

РАЗДЕЛ III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПОЛЕ АКТУАЛИЗАЦИИ СВОЙСТВ РОДНОГО ЯЗЫКА И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 82.091(470+73)

Н. С. Алексеева
Харьковский национальный педагогический университет
имени Г. С. Сковороды
e-mail: ninaalekseyeva@mail.ru

Трансформации библейской образности в романах М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и У. Фолкнера «Притча»

Ключевые слова: мотивно-образная система, библейские трансформации, архетип, бинарная оппозиция, характеристика персонажа.

В статье рассматриваются интерпретации библейской образности в романах М. Булгакова «Мастер Маргарита» и У. Фолкнера «Притча» в контексте бинарных оппозиций «статика / динамика», «интеллект / интуиция». Показано, что именно интуитивные персонажи художественного мира этих произведений являются носителями истины.

Обращение к Священному писанию всегда было распространенным явлением в искусстве, и этот никогда не угасающий интерес к Библии выразился в стремлении не только отразить оригинал фактически, но и сместить акценты, трансформировать его пафос, мотивно-образную систему и другие художественные элементы с целью придания нового звучания классическому источнику. К Библии, в частности, к сюжету Христа, обращались многие известные писатели XX столетия, такие как А. Мережковский, П. Ренан, К. Льюис, П. Пастернак, П. Лагерквист, Б. Пастернак, У. Голдинг, А. Платонов и другие.

Существует ряд причин, по которым в прошлом столетии стала актуальной идея переосмысления канонических текстов. Одной из них, на наш взгляд, можно считать всеобъемлющую тенденцию к ремифологизации в искусстве, предполагающей смещение акцентов с одного художественного явления на другой. Эта тенденция функционирует в рамках поэтики модернизма, где миф полифункционален и дает возможности множественной интерпретации.

Следующая причина связана с тем, что к XX веку история христианства накопила не столько позитивный, сколько негативный опыт. Крестовые походы, инквизиция, церковные распри отдалили от человека исходные христианские ценности, покрыли их «хрестоматийным гляncем», превратив живую, динамическую религию, каким представляется учение Христа, в статическую (Бергсон). Новые интерпретации Евангелия, судя по всему, имели своей целью приблизить христианство к человеку, сделать его концепции доступными и понятными современникам. Такие «собственные» Евангелия создали М. Булгаков, У. Голдинг, Б. Пастернак и У. Фолкнер.

Фолкнер и Булгаков использовали в своих романах Священное Писание в качестве архетипического источника. Уже фронтальное прочтение «Притчи» дает читателю четкие ассоциации с Евангелием. Прежде всего, обращает на себя внимание временная организация текста, рамки, ограничивающие описываемые события. Как у Булгакова, так и у Фолкнера, действие привязано к Страстной неделе. В «Мастере и Маргарите» Иешуа арестован в среду, в тот же день Берлиоз встречается с Воландом. В пятницу

казнен Иешуа, а в субботу Мастер и Маргарита получают свой вечный приют, а Пилат, наконец, освобожден от мучений в вечной пустоте. В «Притче» в среду арестован Капрал и его двенадцать учеников, с пятницу Капрал казнен, а в воскресенье его тело исчезает из могилы. Все, что происходит после этих событий, описано Булгаковым в «Эпilogue», а у Фолкнера в заключительной главе «Завтра», имеющий символический смысл.

Ключевыми образами (после Пилата и Маршала) являются булгаковский Иешуа и фолкнеровский Капрал, соотносимые с образом библейского Иисуса Христа. В интерпретации Булгакова Иешуа лишен черт, которые могли бы его ассоциировать с Мессией, нет таких атрибутов, как осел, мантия, терновый венец, нет чудес и феномена воскресения. Нигде не сказано, что Иешуа распят на кресте. Иешуа лишен божественной ауры, у него только один ученик – Левий Матвей. Факты, которые соответствуют Евангелию, – это то, что действие происходит в Иерусалиме (Ершалаиме), а человек, от которого зависит судьба пленника, – Понтий Пилат. Время казни приходится на предпасхальный период. Иешуа, как и Иисус, убит предателем Иудой. Булгаков, таким образом, создает апокрифическое Евангелие, ставя под сомнение официальную доктрину христианства. Этот феномен булгаковского мировоззрения неоднократно отмечался критикой.

Фолкнер в своем романе проводит больше конкретных параллелей с Писанием, чем Булгаков. Так, Капрал рожден, как и библейский Иисус, в конюшне. Он казнен в возрасте тридцати трех лет. «Свита» Капрала Стефана состоит из двенадцати человек, один из которых – Полчек – впоследствии предаст его, подобно Иуде, предавшего Христа из-за денег. Подобно тому, как Дьявол искушал Христа в пустыне богатством и властью, Маршал искушает Капрала, предлагая ему неограниченную светскую власть. Иисус распят между двумя разбойниками, Капрал казнен в компании двух предателей. Колочая проволока на голове Капрала коррелирует с терновым венцом Христа. Тело Капрала таинственным образом исчезает из могилы, что соотносит этот эпизод с исчезновением тела Иисуса из гробницы. Как Мария Магдалина, бывшая грешница, становится последователем Христа, так и проститутка из Марселя является невестой Капрала. Здесь, видимо, Фолкнером обыгрывается версия, которую сейчас не исключают исследователи и интерпретаторы Священного писания о том, что Мария Магдалина была возлюбленной Иисуса. Имена сводных сестер Капрала Мария и Марфа совпадают с именами воскресшего Христом Лазаря. Вестовой, вначале недоверчиво относившийся к идее Капрала покончить с войной, впоследствии становится его преданным последователем. Это напоминает историю апостола Павла, который, как истинный римлянин, вначале был враждебен Иисусу, а затем был обезглавлен за преданность его учению.

Капрал, как и Иешуа, лишен божественной ауры. При этом Капрал, в отличие от идеалиста Иешуа, человек приземленный и даже грубый. Капрал также, в отличие от Иешуа, не проповедует – его воздействие на людей в основном мистическое. Капрал схвачен за подстрекательство к мятежу, в то время как Иешуа заверяет Пилата, что «никогда не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие» [7, 399]. Капрал беседует не с Пилатом, а со своим отцом – Маршалом, хотя образ Маршала и перекликается с образом библейского Пилата. Исследователь творчества Фолкнера Ф. Пастор уверен, что «Притча» явно не предполагает версию аллегорического изображения Страстей господних: «... Фолкнер выходит за пределы аллегории. <...> Капрал явно не Иисус Христос» [6, 144]. Так, например, старый негр советует связному только посмотреть на Капрала, чтобы понять, кто он:

«... Тебе незачем понимать. Пойди и посмотри на него.

– На него? Значит, теперь это всего один?

– А прежде разве был не один? <...> Разве мало было одного, дабы возвестить нам то же самое две тысячи лет назад, что нам нужно лишь сказать «хватит»... Пусть больше не будет убитых, искалеченных или пропавших без вести...» [8].

Связной в разговоре со священником иронически замечает, что задача Капрала труднее по сравнению с задачей Христа, поскольку «его [Капрала] прототип сталкивался лишь с естественным человеческим стремлением ко злу; он же сталкивается со всей медно-красной неприступностью генерального штаба» [8]. Во время так называемой «Тайной вечери» – ужина перед пленением Капрала – его люди упоминают библейского Христа: «Христос отпустит нам наши грехи» [8].

Остановимся на данных персонажах подробнее, оговорив ракурс рассмотрения. Представляется целесообразным при сопоставлении воспользоваться положениями теории А. Бергсона, изложенными в его труде «Два источника морали и религии» [1]. Бергсон противопоставляет два типа общественного устройства. Одно общество обладает чертами закрытости, оно стремится к самосохранению, применяя авторитарные методы, включая все виды насилия. Второй тип общества – общество открытое, «воплощенное в великих личностях – моральных героях, христианских мистиках и т. п. Бергсон связывает с ними два типа морали и религии – статический и динамический. Возможность дальнейшего прогресса человеческого общества Бергсон видит лишь в открытом обществе, в динамической морали, выделяя в качестве главных принципов любовь к человечеству, дух простоты, отказ от искусственных потребностей, вызванных преимущественным развитием тела у ущерб его духовной культуре» [2].

Для нашего исследования значимы бергсоновские оппозиции статической и динамической религий, закрытого и открытого общества, интуитивизма и интеллекта. Ф. Пастор в своем исследовании художественного мира «Притчи» использовал теорию Бергсона, мы же будем пользоваться положениями этой теории для анализа библейских проекций образов «Мастера и Маргариты» и сравнения персонажей Фолкнера и Булгакова.

Фолкнеровский Капрал прост и немногословен. Для него характерна некоторая внешняя отрешенность от происходящего. Впервые он появляется в эпизоде, когда арестованных мятежников везут по городской площади:

«... Он стоял впереди, положив руки на верхнюю планку так, что была видна цепь <...> и капральские нашивки на рукаве, с чуждым лицом, лицом крестьянина-горца <...>, и глядел на бегущее мимо море глаз, зияющих ртов и грозящих кулаков так же пристально, как и прочие двенадцать, но безучастно – лишь с любопытством, внимательно и спокойно...» [8]. Далее Фолкнер отмечает то главное, что определяет уникальность Капрала (последний такой, по словам одного из персонажей, был две тысячи лет тому назад), – его интуицию и способность постижения истины: «...В его лице было еще и то, чего не было у остальных: постижение, понимание без всяких следов сочувствия, словно он заранее предвидел без порицания и жалости тот шум, что поднимался при появлении грузовика и неся под ним...» [8].

Подобная отрешенность присутствует у Капрала, когда тот стоит у тюремного окна и наблюдает за рокошующей внизу толпой: «... Он выглядел как человек, наблюдавший с интересом, не с удивлением, не с тревогой пантомиму катаклизма» [8].

Булгаковский Иешуа, как и Капрал, человек мирской. Он приходит в Ершалаим пешком (не въезжает на осле), сопровождает его один Левий Матвей, его никто не приветствует. Одет Иешуа в старый разорванный хитон. Он, в отличие от спокойного Капрала, смотрит на Пилата с тревожным любопытством, и, в отличие от Капрала, выглядит слабым и уязвимым. Но при всех различиях есть нечто существенное, присущее обоим: они оба обладают мистической силой воздействия на людей. Речь Капрала, в отличие от Иешуа, фрагментарна и мало информативна. Однако само его присутствие влияет на окружающих и обладает силой убеждения. Здесь напрашивается следующая аналогия: в английском языке есть выражение «*fleet in being*». Это флот, не принимающий участия в военных действиях, но своим существованием наводящий страх на врагов. Рассказывая связному о миссии Капрала и его людей, старый швейцар отмечает это сверхъестественное качество влиять на окружающих одним своим присутствием:

« – Сходи и послушай их, – сказал старый швейцар – ты говоришь по-иностранному, ты их поймешь.

– Вы же сами сказали, что девятеро, которые должны были говорить по-французски, не говорили ничего, а остальные четверо не могут сказать ни слова.

–Им незачем говорить, –сказал старый швейцар. –А тебе незачем понимать. Пойди и просто посмотри» [8].

Знаковым эпизодом, иллюстрирующим это мистическое свойство Капрала, является суицид священника, исповедующего Капрала перед смертью. После их краткой беседы священнику открывается тот факт, что жил он неправильно, что жизнь его зашла в тупик, и он не в состоянии более такую жизнь вести. В сущности, все события «Притчи» являются результатом воздействия Капрала.

Иешуа воздействует не только словами, но, как и Капрал, своими необычными способностями влиять не окружающих. Утопические рассуждения Иешуа о том, что рухнет храм старой веры, и что злых людей на свете нет, интересны и новы для Пилата. Но значительно в большей степени Пилат впечатлен пронизательностью Иешуа и его способностью исцелять: он снимает головную боль прокуратора. Подобно тому, как Капрал инициирует развитие событий в «Притче», так и пленение Иешуа является стартовым моментом для развития основной темы «Мастера и Маргариты» – темы Пилата. Иешуа и Капрал –персонажи интуитивные, им дано постичь суть вещей благодаря внутреннему видению и мистицизму. Согласно А. Бергсону, настоящий мистицизм –это не эскапизм, не уход от ситуации, а активная позиция. Здесь человек представляет себя в жизненном порыве (*elan vital*), в частности, в любви к человеку [1].

Динамические персонажи Иешуа и Капрала ведут динамический, подвижный образ жизни. Иешуа странствует и философствует, поэтому его и назвали бродячим философом. Иешуа, как утверждает А. Кеба, –это абсолютный герой пути. В образе Иешуа воплощена «идея движения как вечного поиска истины, как реализация самой сущности жизни, заключенная в бесконечном развитии» [3, 128]. Капрал также обладает воистину мистической способностью перемещаться, –о нем говорят, что он свободно переходит границы воюющих армий, двигаясь по «ничьей земле». Оба персонажа становятся глашатаями «динамической» религии.

Интуитивным героям Иешуа и Капралу противопоставлены их интеллектуальные оппоненты –Пилат и Маршал. По характеру, темпераменту и привычкам эти персонажи, безусловно, разнятся. Пилат умен, но при этом эмоционален и реактивен, и это одна из «реалистических» причин его гемикрании. Он бурно реагирует на происходящее, его способность к рефлексии не дает ему покоя ни в реальном мире, ни между мирами, в Пустоте. Маршал, наоборот, бесстрастен и рационален. При первом же появлении Маршала в универсуме Фолкнера сразу подчеркивается его интеллект: «... хрупкий седой человек с мудрым пронизательным и скептическим лицом, уже не верящий ни во что, кроме своего разочарования, своего ума и своей безграничной власти» [8]. «Непроницаемое лицо над звездами высшего чина», –вот еще одна характеристика Маршала. Сближает этих двух героев их интеллект, социальная роль и своего рода маска, которую оба вынуждены носить, чтобы скрыть свои истинные чувства и намерения. Маршал и Пилат –личности авторитарные. «Пилат –орудие системы или интеллекта», –замечает Д. Бетеа [5, 127]. Пилат, уполномоченный быть римским наместником в Иудее, может принять или отменить любое решение. Маршал, как и Пилат, авторитарен и имеет неограниченные полномочия, он абсолютное воплощение рациональности. Маршал руководит Объединенными вооруженными силами, в его власти «казнить или миловать».

Таким образом, Пилат и Маршал –это ярко выраженные представители интеллекта, закрытости и статики. «... Интеллект статичен, –утверждает Ф. Пастор, –он всегда в поисках неизменных структур, таких как логика и математика, он требует символов,

измерений, анализа; и в этом заключается причина, по которой интеллект не способен продуцировать что-либо абсолютно новое и творческое» [6, 58]. Это утверждение, конечно же, не означает, что интеллект бесполезен. Просто к реальным открытиям и познанию истины без интуиции прийти невозможно, факт, который подтверждает мнение А. Эйнштейна о том, что долгом ученых «является поиск тех общих элементарных законов, из которых путем чистой дедукции можно получить картину мира. К этим законам ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция» [4]. Эта концепция интуитивизма также согласуется с воззрениями американских трансценденталистов XIX столетия, которые утверждали первостепенную роль интуиции, а не логоса, в познании мира.

Высокоинтеллектуальный Маршал постоянно описывается в ситуациях, которые подчеркивают его статичность (малую подвижность). Молодой военный в Академии Сен-Сира, он представлен как человек, «который, казалось, не входил в ворота, а неподвижно стоял в них» (в английском языке *framed immobility*, дословный перевод – «неподвижно заключенный в рамку», и далее: «...фигура с церковного витража, по необъяснимой случайности вделанная в проломленную стену форта» [8]. В сцене обсуждения судьбы генерала Граньона, требующего расстрелять его за провал наступления, Маршал представлен сидящим неподвижно на стуле. В большинстве случаев он как будто позирует: либо стоит у окна, либо сидит в застывшей позе. Пилат, как и Маршал, является малоподвижным персонажем. Дальше крытой колоннады между крыльями дворца Ирода Великого Пилат практически не перемещается. Здесь он допрашивает Иешуа, беседует с подданными, отдает приказы. И только для вынесения приговора Иешуа прокуратор выходит «из под колоннады на заливаемую солнцем верхнюю площадь сада» [7, 409], но и это движение оставляет Пилата в пределах того же дворца.

Итак, мы рассмотрели мужские персонажи «Мастера и Маргариты» и «Притчи» в контексте бинарных оппозиций «интуиция / интеллект» и «статика / динамика». В продолжение этого исследования в таком же контексте будут рассмотрены женские образы этих романов.

Литература

1. Бергсон, А. Два источника морали и религии / А. Бергсон. – М. : Канон, 1984. – 384 с.
2. Лега, В. П. Современная западная философия [Электронный ресурс] / Лега, В. П. // История философии. – Режим доступа : <http://intencia.ru/Pages-view-638.html>. – Дата доступа : 02.03.2017.
3. Кеба, А. В. Мифологема пути в романах «Мастер и Маргарита» М. Булгакова и, А. Платонова «Чевенгур» / А. В. Кеба // Питання літературознавства : науковий збірник. – Чернівці, 2003. – Вип. 9 (66) – 6 – 16.
4. Эйнштейн, А. Как изменить мир к лучшему. [Электронный ресурс] / А. Эйнштейн. – Режим доступа : <https://books.google.com.ua>. – Дата доступа : 07.06.2017.
5. Bethea, D. M. History as Hippodrome: The Apocalyptic Horse and Rider in *The Master and Margarita* / David, M. Bethea // *The Master and Margarita. A Critical Companion*. – Evanston, Ill. : NUP, 1996. – p. 122 – 142.
6. Pastore, Ph. Ed. The Structure and Meaning of William Faulkner's *A Fable*. A dissertation presented to the Graduate council of the University of Florida in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy [Electronic source] / Ph. Ed. Pastore. – University of Florida, 1969.–285p. – Available from : <http://ufdcimages.uflib.ufl.edu/UF/00/09/77/72/00001/structuremeaning00pastrich.pdf>. – Дата доступа : 12.10.2014.

Источники

7. Булгаков, М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков // М. Булгаков. Романы. – М. : Современник, 1989. – 383 – 749.
8. Фолкнер, У. Притча. [Электронный ресурс]. Режим доступа : thelib.ru/books/folkner_uilyam/pritcha-read.html. – access : 03.05.2011.

N. S. Aleksieieva
Kharkov National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda
e-mail: ninaalekseyeva@mail.ru

**Biblical Transformations in the Novels “The Master and Margarita”
by M. Bulgakov and “A Fable” by W. Faulkner**

Key words: motive and imagery system, biblical transformations, archetype, binary opposition, characterization.

The article focuses on the interpretations of Biblical imagery in the novels “The Master and Margarita” by M. Bulgakov and “A Fable” by W. Faulkner in the context of the binary oppositions of “statics / dynamics” and “intellect / intuition”. The research shows that it is the intuitive characters that are privy to the universal truth.

УДК 801.81

Т. П. Беценко
Сумський державний педагогічний університет ім. А. С. Макаренка
e-mail: tpb2016@ukr.net

Естетика рідного слова

Ключевые слова: эстетика языка, родной язык, эмоциональность речи, экспрессивность языка, оценочность языковых единиц (высказываний).

В статье предложено определение понятий эстетика языка, эстетика родного слова, а также сделано попытку очертить эмоциональность, оценочность, экспрессивность языковых единиц как признаков их эстетичности; проанализировать возможности родного слова в генерировании эмоциональности мысли, в создании экспрессии высказывания.

Мова – категорія естетична. Якщо естетика – наука про мистецтво, про форми прекрасного в художній творчості, у природі та суспільстві; краса, художність чогонебудь, то мова – засіб реалізації естетичного сприйняття дійсності, засіб естетичного впливу, засіб естетичного кодування світу з допомогою різнорівневих одиниць. Мова в своїй сутності – естетична реакція на дійсність. Це переконливо засвідчують народні найменування рослин: у ботанічних номінаціях відчутною є оцінка, емоції, почуття мовлян: *любисток, материнка, мати-й-мачуха, дурман, болиголов, зозуліні черевички, люби-мене, братки, невісточка, молодило, жаб'ячі огірочки.*

Очевидно, що багато слів у мові позначенні емоційно-оцінним відтінком (*краса, потворність, миловидний, дбайливий, старанний, ніжність, занедбаний, страхіття, буря, врода, цнотливий, сваритися, шкапа, варварство, герой, подвиг, гугнявити, гармидер, хаос, соборність, храм, святий, святість, по-святковому та ін.*).

Мета статті – з'ясувати можливості рідного слова у генеруванні емоційності думки, у створенні експресії висловлення, у формуванні чуттєвості (почуттєвості) слововираження.

Виклад основного матеріалу.

Естетика рідної мови – властивість різнорівневих мовних структур викликати у мовців (у рідномовному чи нерідномовному середовищі, у процесі сприйняття рідномовного матеріалу, у ході пізнання змісту рідномовних одиниць) адекватні, відповідно до національно сформованої традиції, емоції та почуття, створювати естетично довершені висловлення згідно з канонами етномови, формувати настроєвість,